

Владимир А. Дьяков

ОБ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ПУТЯХ РАЗВИТИЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ НАРОДОВ ЕВРОПЫ В XIX ВЕКЕ

На протяжении последних десятилетий при изучении истории освободительных движений народов России и соседствующих с ней стран восточноевропейского региона было высказано много интересных обобщающих суждений и оценок теоретического характера. Часть из них осталась неизменной, другие существенно эволюционировали в том или ином направлении. Нынешние перемены общественно-политического характера активно стимулируют отчасти полный пересмотр, а отчасти новое теоретико-методологическое осмысление уже проведенных и предстоящих исследований по соответствующей тематике. Научно обоснованной и плодотворной мне представляется мысль об исторической альтернативе для освободительного движения народов Европы, которая сложилась в первой половине XIX в. и нашла свое отражение в идеологических концепциях Карла Маркса и Михаила Бакунина, в общественно-политических программах и деятельности их единомышленников.

Для славянских и балканских стран, историей которых я преимущественно занимаюсь, едва ли не большая часть XIX в. связана с процессом перехода от феодализма к капитализму. Многие годы работы привели меня к убеждению о невозможности датировать межформационные границы с точностью до одного года (например, 1861 г. в России, 1864 г. в Польше). Одновременно я пришел к выводу о целесообразности самостоятельного исследования переходных периодов, ибо совершенно очевидно, что каждый из них обладает определенной внутренней цельностью в экономике, политике и культуре. Эта цельность обусловлена, в частности, тем, что в переходные периоды на протяжении длительного времени одновременно функционируют составные части

двух формационных систем, причем речь идет не о параллельном их существовании, а об активном взаимодействии друг с другом. При этом отжившие социальные структуры феодальной формации и то, что принято называть капиталистическим укладом, как бы переплавляются в одном котле, чтобы превратиться в буржуазные экономические отношения, в новые формы социальной и политические организации, в соответствующим образом изменившиеся нравы и обычаи. В этом процессе многое исчезает совсем, остальное же либо кардинально преобразуется, либо, внешне не изменившись, наполняется иным качественным содержанием.

В Западной Европе, где процесс смены феодализма капитализмом продолжался в общей сложности с XIV по XVIII в., переходный период состоит из трех основных этапов. Первый из них включает идейное пробуждение буржуазии, связанное с идеологией и культурой Возрождения, второй – политическое становление буржуазии, соответствующее эпохе Просвещения; третий – открытую борьбу буржуазии за власть, вылившуюся в английскую, нидерландскую и французскую революции. На Западе главной силой, слоившей феодальный строй, было бюргерство; его резервом являлась определенная часть крестьянства и предпролетариат. В восточноевропейском регионе переходный период начался в середине XVIII в. и длился примерно 100–150 лет. Феодалы этого региона более прочно удерживали свои позиции, буржуазия была малочисленной, слабой, а у некоторых народов – практически отсутствовала. Победоносных революций общегосударственного масштаба здесь фактически не произошло; активными участниками освободительного движения являлись городские низы, деклассированная часть дворянского сословия, интеллигенция. Огромный революционный потенциал крестьянства реализовывался, как правило, в весьма ограниченных рамках.

Национальный аспект сыграл свою роль и в буржуазной трансформации стран Западной Европы, но особенно большое значение он имел в Центральной и Юго-Восточной Европе. Это обуславливалось как иным уровнем развития социально-экономических структур большинства стран восточноевропейского региона, так и спецификой политической ситуации, связанной с наличием трех огромных этнически неоднородных государств – Австрийской, Российской и Османской империй. Различные формы национального гнета, существовавшие в них, вызывали нарастающее сопротивление угнетенных народов, которое в одних случаях значительно усиливало социальную активность масс, а в других – вступало с ней в противоречие. Естественно, что в таких условиях первостепенное значение приобретал вопрос о соотношении и взаимосвязях двух этих составных частей в каждом освободительном движении.

До сих пор в советской историографии практически безраздельно господствовала концепция, в соответствии с которой главным если не и единственным ориентиром прогресса в XIX — начале XX в. являлась общеевропейская революция, возглавляемая рабочим классом капиталистически развитых стран Запада. Эта концепция полностью совпадает с той оценкой обстановки в Европе, которой руководствовались в своей общественно-политической деятельности К. Маркс, Ф. Энгельс и их единомышленники. Такое понимание основной сути происходивших событий обусловлено их идейными позициями и степенью осведомленности о положении в восточноевропейском (Остальбском) регионе, а также объективными историческими условиями и тогдашним состоянием общественных наук. Ход истории показал ошибочность их прогноза применительно к странам Западной Европы: победоносных пролетарских революций в них не произошло, а элементы социализма в общественном устройстве развивались там иным — эволюционным путем, без ломки основ капиталистической системы. Что же касается стран восточноевропейского региона, то для них общеевропейская революция в том её понимании, которому следовали основоположники марксизма, был явно преждевременной. Политизированная марксизмом трактовка исторического процесса долгое время сковывала научную мысль. Однако факты не оставляют сомнений в том, что для восточноевропейского региона существовала историческая альтернатива этому пути, связанная с буржуазнодемократическими по своей социальной сути национально-освободительными движениями, сила которых достигла значительных пределов к середине XIX в. и продолжала нарастать впоследствии.

Объективное существование восточноевропейской альтернативы получило идеологическую интерпретацию в социологических воззрениях и политических программах ряда революционно-демократических деятелей, в теоретических построениях утопического социализма. Один из вариантов революционно-демократического подхода к общественному развитию разработал в 40-х годах XIX в. Михаил Бакунин (1830—1876). Встав на путь решительной борьбы против крепостного права и самодержавия в России, он призывал к разрушению российской, прусской, турецкой и особенно австрийской монархий, на развалинах которых по его убеждению, должна была сложиться „великая вольная славянская федерация”. Входящие в нее народы объединялись друг с другом, основываясь на принципах общего равенства, свободы и братской любви, на уничтожении крепостного права и сословных различий, на предоставлении каждому из своих граждан права на получение земельного участка в любой из славянских земель. Мир,

рассуждал Бакунин, разделен на два лагеря — революционный и контр-революционный; славяне, защищая собственные интересы, должны вместе с немцами и венграми добиваться всеобщей федерации европейских республик; вообще, утверждал он, славянам следует быть друзьями и союзниками всех народов и партий, сражающихся за революцию. В то же время Бакунин предостерегал южных и западных славян от подогреваемых русскими славянофилами необоснованных надежд на помощь со стороны царского правительства, говоря, что поддержку в освободительной борьбе им можно ожидать только от революционной России. К реакционному панславизму Бакунин относился резко отрицательно. Не противопоставляя национально-освободительные стремления славян интересам других европейских народов, он верил в особый исторический путь славянства в целом. Исходя из этого, Бакунин заявлял: „Последние пришельцы в развитии европейского образования, славяне чувствуют себя призванными к осуществлению того, что другие народы Европы приготовили через свое развитие, то-есть к осуществлению [...] гуманности, свободы и счастья всех”¹.

Будучи участником Славянского съезда 1848 г. в Праге, Бакунин горячо ратовал за то, чтобы его участники меньше занимались обсуждением сепаратных нужд отдельных славянских народов, а сосредоточились на решении общеславянских задач, связывая их с прогрессом всего человечества. В *Исповеди* Бакунин следующим образом воспроизвел содержание одного из своих выступлений на съезде: „Зачем вы съехались в Прагу? Для того ли, чтобы толковать здесь о своих провинциальных интересах, или для того, чтобы слить все частные дела в один нераздельный, великий славянский вопрос? Начните же заниматься им и покорите все частные требования славянскому делу. Наше собрание есть первое славянское собрание; мы должны положить здесь начало новой славянской жизни, провозгласить и утвердить единство всех славянских племен, соединенных в одно нераздельное и великое политическое дело”².

Сочетание общественно-политического радикализма по отношению к феодально-крепостническим порядкам в России с идеями утопического социализма и безоговорочной поддержкой борьбы народов Восточной Европы за свою национальную независимость характерна и для воззрений Александра Герцена (1812–1870). Следуя убеждению, что свободное развитие русской и славянской общины совпадает со

¹ А. М. Бакунин, *Избранные сочинения в 4-х томах*, т. I, Лондон 1915, с. 40.

² Цит. по кн.: Ю. Стеклов, *Михаил Александрович Бакунин, его жизнь и деятельность*, ч. 1, Москва 1920, с. 199.

стремлениями западного социализма, Герцен видел будущее славянского мира в свободной федерации, ядром которой станет Россия, освободившаяся от крепостничества и самодержавия. Он писал: „Только сгруппировавшись в союз свободных и самобытных народов славянский мир вступит, наконец, в истинно историческое существование”. Считая освобождение Польши „половиной освобождения России”. Герцен рассматривал свободный союз Польши и России „как начало вольного соединения всех славян в единое и раздельное Земское дело”, подразумевая под этим создание сотрудничающих друг с другом независимых государств, обеспечивающих полную свободу своих граждан. В период Январского восстания 1863–1864 гг. герценовские издания горячо поддерживали освободительный порыв польского народа, боролись против шовинистических настроений, захлестнувших Россию. Трудно не согласиться с В. И. Лениным, который позднее писал о том, что прежде всего именно Герцен спас в этот период честь русской демократии³.

Социально-политическое кредо Петра Сцененного (1801–1890) изложено в ряде его программных и агитационно-пропагандистских текстов, в том числе обнаруженных и опубликованных мною в монографии о ксендзе-революционере. В одном из этих текстов, датированном примерно 1842 г. и озаглавленном *Золотая книжечка или История рода человеческого*, говорится о том, что в будущем идеальном обществе не будет существовать людей высших и низших; все будут жить в братстве – свободными и равноправными; бездельники исчезнут, каждый человек будет работать, а общество будет соответствующим образом вознаграждать каждого за его трудовые успехи. О желательной для него социальной гармонии Петр Сцененный писал: „Трудолюбивый землепашец присматривает за землей, добropорядочный ремесленник – за мастерской, честный купец – за магазином, добросовестный учитель – за школой, истинный ученый – за народным просвещением. Все вместе образуют веселую, счастливую семью, члены которой, работая для общего блага, как пчелы в улье, получают удобства, благополучие, наслаждения, живут подлинно как в раю”. Сцененный был горячим сторонником объединения сельских жителей и мещан, землепашцев и ремесленников разных народов для совместной борьбы против своих заклятых врагов – королей и тех „плохих господ”, которые непосредственно осуществляли национальный и феодальный гнет. Освобожденную Польшу Сцененный представлял ядром свободной и демократической федерации народов, которую в своей прокламации „Нужно только желать” он назвал „Всевластием славян”. Это

³ В. И. Ленин, *Полное собрание сочинения*, т. XXI, Москва 1961, с. 260.

государство Сцегенный предполагал создать „с целью вырваться из-под власти сильных мира сего, во имя защиты собственности, гарантирования себе и детям, всему славянскому племени, всем людям благополучной жизни и вечного счастья”⁴.

Ксёндз Сцегенный родился в крестьянской семье и был руководителем конспиративной организации, в которой участвовало значительное число выходцев из этого сословия. Что касается Эдварда Дембовского (1822–1846), то он происходил из родовитой шляхты и главной задачей своей общественной деятельности считал борьбу за национальную независимость. В то же время он горячо ратовал за радикальные аграрные преобразования, высоко оценивал революционный потенциал крестьянства и городских низов. По свидетельству активного участника варшавско-люблинского „Демократического общества”, возглавлявшегося фактически Дембовским, на одной из конспиративных встреч летом 1843 г. речь шла о том, что польские крестьяне далеко не везде темные и покорные, что в народных песнях немало огня и понимания нужд нации. Дембовский на этой встрече рассказывал о своих тайных контактах с варшавскими ремесленниками и говорил: „Мы живем в такое время, когда назревают важные события; чехи, моравы, вообще все южные славяне начинают просыпаться от сна, в котором пребывали многие столетия. Везде старательно очищают свой язык, ищут забытые национальные черты, требуют самостоятельного существования”⁵. Накануне Краковского восстания 1846 г., обращаясь к своим соратникам по его подготовке, Дембовский писал: „Люди, имеющие мелкое сердце и тупую мысль, думают, что крестьянство не восстанет, не поймет революции и не пойдет биться до последнего за наше святое дело. Не знает и не любит народ тот, кто это утверждает [...] Обратись только к сердцу польского крестьянина [...], докажи ему фактами, что ты несешь ему свободу, равенство и братство, а не обмануй его разными посулами [...]. Любите только народ и возвещайте ему социальную революцию, и он поверит вам и пойдет за вами хотя бы в самый ад”. Революционная мысль Дембовского не замыкалась в национальных рамках. Считая, что любовь к своему народу и любовь к человечеству „это одно и то же”, он призывал народы, добившиеся свободы и социального счастья, служить примером и оказывать помощь остальному человечеству⁶.

Радикально-демократические движения каждого из народов восточно-европейского региона имели свою, иногда весьма существенную специ-

⁴ В. А. Дьяков, *Революционная деятельность и мировоззрение Петра Сцегенного (1801–1890 гг.)*. Москва 1972, с. 212, 276–277.

⁵ *Revolucyjna konspiracja w Królestwie Polskim w latach 1840–1845*. Edward Dembowski, Wrocław 1981, с. 310, 312, 315 и д.

⁶ *Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей*, т. III, Москва 1956, с. 153, 298–300.

фику. Думается, однако, что эти четыре примера, взятые из истории России и Польши, позволяют более или менее точно выявить основные типологические черты для региона в целом. Типология важна не только для общей характеристики самых радикально-демократических движений в необходимом сопоставлении с теми идейно-политическими течениями, которые выражали интересы пролетариата и буржуазии в складывающейся капиталистической структуре, но и для того, чтобы получить возможность достаточно научно соотносить друг с другом их национальные варианты.

Радикально-демократическая (в российских условиях – революционно-демократическая и народническая) идеология своими основными корнями связана с социально-экономической структурой и общественно-политическими условиями периода перехода от феодализма к капитализму. Она выражает интересы крестьянства и других социальных слоев, ведущих борьбу против феодального строя и его пережитков, за царство свободы и справедливости, которые на деле может быть лишь наиболее демократическим в данной конкретной обстановке вариантом буржуазного общества. Социальная природа радикального демократизма такова, что, с одной стороны, он никогда не может полностью оторваться от буржуазной демократии, склонной к либеральному соглашательству, с другой стороны, восприимчив к различным доктринам утопического социализма, способного на весьма резкую критику капиталистической системы. При всем том радикальный демократизм является внутренне-цельной и устойчивой в своей основе идеологией, отражающей чаяния крестьян, ремесленников, низших слоев интеллигенции, а также определенной части пролетариата, даже тогда, когда у него появляется самостоятельная классовая партия.

Накопленный фактический материал и теоретические разработки, включая ленинские высказывания по данному вопросу, позволяют выделить три основные критерия, которые представляются обязательными для радикальной (революционной) демократии как восточно-европейского, так и других регионов (Турции и Китая – в первой четверти, Азии, Африки и Латинской Америки – в середине и второй половине XX в.). Во-первых, это бескомпромиссная революционность, т.е. готовность бороться против социального, национального и религиозного гнета любыми, в том числе насильственными средствами; во-вторых, – искренний и глубокий демократизм, выражающийся в последовательной и самоотверженной защите интересов трудящихся масс; во-третьих, – вера в необходимость радикального социального переустройства общества, как правило, на основе теорий утопического социализма. Я убежден, что о революционном демократизме можно

говорить только при наличии всех трех названных критериев. Сочетание революционности только с демократизмом не выходит за рамки буржуазной демократии, включая такие ее классические разновидности, как английская и французская. Сочетание революционности только с социализмом (при отсутствии демократии) не обеспечивает защиты интересов всех трудящихся масс, а сочетание демократизма только с социализмом при отсутствии или недостатке революционности сильно уменьшает шансы на успех в борьбе за интересы народа. Ни одна из „парных” комбинаций трех рассматриваемых критериев, даже теоретически, не открывает пути к осуществлению основных задач революционно-демократической программы переустройства общества⁷.

Когда я изложил эту точку зрения в журнале „Новая и новейшая история”, более всего сомнений высказывалось по поводу того, следует ли считать обязательным элементом революционного или радикального демократизма наличие социалистических идей⁸. Но сомнения эти кажутся мне необоснованными, поскольку без данного критерия понятие радикальный демократизм, практически сливаясь с понятием буржуазный демократизм, превращается в слишком широкий и научно неопределенный термин, бесполезный для исследователя. С буржуазной революционностью типологически соотносимы национальная революционность, национальный демократизм. Если же два эти компонента соединяются с идеями утопического или элементами научного социализма, то они, по моему мнению, также образуют революционно- или радикально-демократическую идеологическую систему. Мне кажется, что это относится, в частности, к таким деятелям польского, югославского, болгарского освободительных движений XIX в., как Ярослав Домбровский и Валерий Врублевский, Светозар Маркович и Христо Ботев; специалисты считают, что это относится также и к некоторым деятелям освободительных движений Азии, Африки и Латинской Америки XX в.⁹

Из сказанного следует, что для стран и народов восточно-европейского региона в девятнадцатом — начале двадцатого века наиболее соответствовал социально-экономическим условиям и уровню общественного сознания не переход к социализму, а движение по пути более или менее нормального капиталистического развития. Теоре-

⁷ В. А. Дьяков, *Некоторые теоретико-методологические вопросы истории революционного демократизма XIX и XX веков*, „Новая и новейшая история” 1987, № 3, с. 149–162.

⁸ См. *Новая и новейшая история*: тексты В. Я. Гросула (*ibidem*, 1987, № 6), В. Г. Карасева (*ibidem*, 1988, № 3), Я. Г. Шемякина (*ibidem*, 1989, № 5).

⁹ См. в частности: Я. Г. Шемякин, *Революционная демократия Латинской Америки*, „Новая и новейшая история” 1989, № 5, с. 92–103.

тически эту объективную историческую задачу общество могло осуществить по западному образцу — под руководством буржуазной демократии. Но на деле буржуазия почти во всей Восточной Европе была настолько слабой и зависимой от феодального строя, что решительная борьба с его устоями была для нее делом не только непосильным, но зачастую и немислимым. Гораздо более реальной угрозой феодализму могли бы стать те социальные силы, интересы которых представляла революционная или радикальная демократия. Не случайно освободительное движение народов этого региона против социального и национального гнета добивалось более ощутимых результатов именно под ее руководством, несмотря на то, что вооруженные выступления неизменно кончались поражением, а революционные ситуации приводили обычно не к политическим переворотам, а к более или менее значительным реформам сверху. Буржуазные порядки входили в жизнь, хотя и гораздо медленнее, непоследовательнее, чем когда-то на Западе, борьба же за национальную независимость оставалась почти безрезультатной.

К середине XIX в. на территории большинства стран восточно-европейского региона феодальные порядки удерживали еще более или менее прочные позиции. В этих условиях ближайшие цели буржуазной демократии, радикально-демократических течений и делающих первые шаги пролетарских партий во многом совпадали. Признание этого объективного факта можно найти в высказываниях идеологов всех названных направлений¹⁰. И тем не менее не наблюдалось сколько-нибудь результативных попыток организации их практического взаимодействия против феодально-крепостнической системы и политического диктата Священного союза. Обусловлено это многими причинами; назову только те из них, которые представляются мне наиболее важными. Во-первых, осознание глубины объективных различий, касающихся уровня и перспектив общественно-политического развития отдельных стран, было в ту эпоху еще довольно поверхностным и не доходило до полного понимания не только возможности, но и необходимости взаимодействия между ними. Во-вторых, передовая общественная мысль тогдашней Европы, находясь под сильным воздействием опыта Великой французской революции, была убеждена в реальности концепции общеевропейской революции, способной одновременно охватить едва ли не все страны континента, еще не вырвавшиеся из-под гнета феодализма. Во-третьих, политические

¹⁰ Об этом свидетельствует, в частности, письмо К. Маркса, датированное 8 X 1858 г. и адресованное Ф. Энгельсу. Говоря о надвигающейся возможности такой революции, которая „сведет в могилу” буржуазное общество Европы, Маркс в то же время писал: „Но не будет ли она неизбежно подавлена в этом маленьком уголке, поскольку на неизмеримо большем пространстве буржуазное общество продлевает еще восходящее движение?” (К. Маркс, Ф. Энгельс, Собранные сочинения, т. XXIX, Москва 1962, с. 295).

взаимоотношения между основными силами, образующими тогда революционный лагерь, не имели регулярного, организационно оформленного характера, а самое главное — они были заидеологизированы сверх всякой меры. Идеологические противоречия и предубеждения создавали серьезные препятствия для полезных обеим сторонам политических блоков между буржуазно-демократическими и радикально-демократическими течениями, но особой идеологической нетерпимостью в этом смысле отличались, пожалуй, основоположники научного социализма и их последователи. Наглядным подтверждением сказанному могут служить, в частности, далеко не идиллические взаимоотношения Маркса и Энгельса с Бакуниным во время революции 1848–1849 годов.

Радикально-демократическое содержание программы Бакунина, ее направленность на уничтожение реакционного Священного союза, стремление к тесному сотрудничеству со всеми революционными силами за пределами славянского ареала со всей определенностью зафиксированы в тех текстах русского революционера, с которыми были знакомы Маркс и Энгельс. Однако они не смогли или не захотели этого увидеть. Возможно на них оказала влияние пропагандистская кампания против „панславизма“, которая в первой половине 40-х годов велась сначала в немецкой, а затем и в западноевропейской прессе. Как бы то ни было, идею славянского единства К. Маркс и Ф. Энгельс фактически отождествляли с панславизмом, который считали идеологическим и политическим оружием реакционных сил вообще и прежде всего царизма. „Панславизм, — по словам Ф. Энгельса — это союз всех малых славянских наций и национальностей Австрии и, во вторую очередь, Турции для борьбы против австрийских немцев, мадьяр и, возможно, против турок [...] Панславизм по своей основной тенденции направлен против революционных элементов Австрии, и потому он заведомо реакционен [...]. Непосредственной целью панславизма является создание славянского государства под владычеством России от Рудных и Карпатских гор до Черного, Эгейского и Адриатического моря [...]. А какие нации должны стать во главе этого большого славянского государства? Как раз нации, рассеянные и распыленные в продолжении тысячелетия [...]. Эти остатки нации, безжалостно растоптанной по выражению Гегеля, ходом истории, эти обломки народов становятся каждый раз фанатическими носителями контрреволюции и остаются таковыми до момента полного их уничтожения или полной утраты национальных особенностей [...]”¹¹.

Ныне полная несостоятельность таких оценок, высказанных Ф. Энгельсом в 1849 г., стала очевидной. Недостаточно обоснованным представляется и то, что революционно-демократическую концепцию М. А.

¹¹ *Ibidem*, т. VI, Москва 1957, с. 131–183.

Бакунина Ф. Энгельс считал возможным отнести в разряд прекращающейся болтовни, далекой от истинной революционности. „В Восточной Европе, — писал он в статье „Демократический панславизм“, — все еще существуют фракции, якобы демократические, революционные фракции, которые продолжают проповедовать евангелие братства европейских народов“. Говоря это, Ф. Энгельс имел в виду А. Ламартина и „некоторых невежественных мечтателей-немцев, например, А. Руге и др.“ и заявлял, что жизнь полностью дезавуировала их мечты, доказала необходимость не всеобщего братства, а осуществляемого на поле сражения союза революционных народов против народов контрреволюционных. Ход политической борьбы 1848–1849 гг. в Австрии и биография М. А. Бакунина не оставляют сомнений в том, что относящиеся к нему выводы и оценки Ф. Энгельса основаны главным образом не на достоверном фактическом материале, а на эмоциях, вызванных неточной информацией, на нежелании всерьез учитывать наличие радикально-демократического пути развития освободительного движения в Восточной Европе.

Догматическая трактовка детерминизма общественного развития и некритическое восприятие отдельных конкретных высказываний Маркса, Энгельса, Ленина наложили свой отпечаток на соответствующие исследования многих историков-марксистов, в том числе и на мои работы. Не без основания критикуя буржуазную историографию за недооценку социальных аспектов освободительных движений в странах Восточной Европы, мы долгое время преуменьшали их национальный аспект, склонны были считать истинно прогрессивным только то, что было ориентировано на западный вариант общеевропейской революции. Правильнее же было бы, мне кажется, исходить из того, что накануне революции 1848–1849 г. для Европы существовали два альтернативных пути развития. Один из них — курс на европейскую социалистическую революцию, подготовливаемую главным образом социально-политической активностью рабочего класса стран Запада. Победа на этом пути должна была завершиться революционной войной против государств Священного союза, прежде всего против Российской империи. Альтернативным был путь национально-освободительных и буржуазно-демократических революций в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе; для их успеха необходимо было содействие революционных сил Запада, а их победа, в свою очередь, могла бы решительно содействовать успехам развивающегося там социалистического движения. За первый путь ратовали Маркс и Энгельс, за второй высказывался Бакунин, который тоже боролся за ликвидацию Священного союза, за освобождение балканских народов, поработанных Османской державой.

Исторический процесс, подчиняясь имманентно присущим ему закономерностям, сам выбрал себе из существовавших альтернатив ту, которая наиболее соответствовала условиям места и времени. Естественно, что активные участники тогдашних событий, в том числе идеологи и руководители освободительных движений, были убеждены в правильности и осуществимости того пути, которого они придерживались. Наука же вовсе не обязана следовать за каким-то одним из идейно-политических направлений, она должна отчетливо видеть и тщательно изучать все имевшиеся альтернативы; ее задача установить объективные и субъективные факторы, обусловившие реальный ход событий. С высоты сегодняшнего дня мы ясно видим, что как сторонниками марксистского понимания исторической перспективы, так и последователями бакунистской точки зрения было высказано немало сбывшихся и несбывшихся предвидений. Думается, что все они заслуживают внимательного анализа историков, тщательного сопоставления друг с другом и с исторической реальностью. Однако уже сейчас видно, что сторонники обеих альтернатив во многом заблуждались, что их соперничество и идеологическая борьба между собой чаще ослабляла, чем усиливала революционный потенциал общества в целом. Именно поэтому мне представляется не случайным тот факт, что социалистические и национальные движения Европы достигли наиболее ощутимых успехов в 1917–1918 гг., когда альтернативные пути сблизились, результатом чего стали, с одной стороны Октябрьская революция в России, с другой – появление на карте Европы польского, чехословацкого и югославского независимых государств.

Włodzimierz A. Djałow

O ALTERNATYWNYCH DROGACH ROZWOJU RUCHÓW WYZWOLEŃCZYCH NARODÓW EUROPY W XIX WIEKU

Powyższa praca przedstawiona była podczas uroczystości nadania autorowi tytułu doktora honoris causa UŁ. Prezentuje ona punkt widzenia autora, opierający się na wieloletnich badaniach, na niezwykle skomplikowane dzieje narodów Europy środkowo-wschodniej i południowej w XIX w., które pozbawione były własnej państwowości. Podejmowane przez te narody walki narodowyzwolenicze przebiegały równolegle z zachodzącym procesem przechodzenia zamieszkanymi przez nie terenów od feudalizmu do kapitalizmu. Specyfika zachodzących procesów, jakże różniących się od przemian w Europie zachodniej, powodowała wykształcenie się alternatywnych dróg rozwoju ruchów narodowyzwoleniczych. Jedną z nich opartą na idei słowiańskiej głoszona była przez Michała Bakunina. Natomiast alternatywne rozwiązanie podnosił w swojej myśli teoretycznej Karol Marks.